

История философии, 64. Американский прагматизм.

Автор: доктор Артур Холмс из Уитонского колледжа.

В конце пятничного часа, когда мы закончили комментировать работу Уайтхеда «Наука и современный мир», мы сказали, что сегодня в начале дня постараемся уделить время для любых ваших обсуждений. Понимая, что разогретые остатки еды в понедельник — это не всегда то, к чему мы готовы, я хотел бы подытожить следующее: по крайней мере, с точки зрения классической метафизики, вместо субстанции, некая непреходящая идентичность субстанции как высшей реальности, её процесс. А ингредиентами являются события, которые приходят и уходят.

Таким образом, не существует устойчивой идентичности на протяжении длительных периодов времени, хотя и наблюдаются устойчивые противоречия в ходе продолжительных событий. В конце концов, история космоса — это продолжительное событие. Изменение, конечно же, происходит от механистической модели XVIII века к органической модели, если вы рассматриваете это с точки зрения модели 1, модели 2, модели 3. Таким образом, это развитие новой науки в XIX веке — биологии развития, не связанной с механистическими объяснениями жизни, а также физики относительности, энергетической физики, разрушения твердости материи и так далее.

И поэтому, если хотите, стоит отметить, что в этой более органичной, если хотите, реляционной модели Уайтхед по-прежнему придерживается количественного плюрализма, то есть, с точки зрения количества событий. Очевидно, событий очень, очень, очень, очень много. А сколько существует процессов? О, бесконечные процессы.

Он — количественный плюралист, если рассматривать это в числовом выражении. Но с точки зрения природы этих событий и процессов, все они по своей сути одинаковы, это качественный монизм. Таким образом, одно и то же описание события применимо как к Богу, так и к конкретному чувственному восприятию, которым мы обладаем.

Итак, качественный монизм. Мне кажется, именно в этом источник некоторых его проблем: он уделяет недостаточно внимания качественным различиям между Богом и творением. И, если хотите, между человеком и природными явлениями.

В некотором смысле, человек — это природное явление. В людях есть нечто особенное. Поэтому качественный монизм, кажется, чрезмерно обобщает и сводит всё к одному и тому же процессу.

Механистическая модель, конечно, предполагала внешние связи, как в причинно-следственном взаимодействии дуализма разума и тела Декарта. В органической модели же связи являются внутренними и по своей природе представляют собой условия этих отношений. Внутренние связи.

Благодаря внешним связям, в XVIII веке появилась возможность стремиться к полной объективности знания и заявлять о ней. Разум, видите ли, является пассивным получателем данных. И хотя Кант нарушил эту традицию, к моменту работы Уайтхеда континуум субъект-объект уже сформировался.

Ну, другими словами, в каждой ситуации познания я натываюсь на этот код. В каждой ситуации познания уже есть вклад предшествующих событий до поступления новых данных. И в дополнение к этому, принимается решение относительно вечных возможностей, которые предлагает новое событие.

в данном случае вносят свой вклад как субъективные, так и объективные факторы. И, конечно же, для Уайтхеда первостепенное значение имеет разделение фактов и ценностей в механистическом подходе, которое, по мнению Уайтхеда, уступает место единству фактов и ценностей в общей телеологической природе ISCI. И очевидно, здесь много очень важного.

Я нахожу это чрезвычайно полезным. Его критика разделения фактов и ценностей. А затем его критика механистической модели.

Моя претензия касается его универсализации органической модели, того, как он её описывает. Мне кажется, что, как и большинство в этой традиции скажут, что органическая модель, а теперь возьмём свои слова обратно, механистическая модель может применяться к некоторым вещам, которые действительно функционируют вполне механически. И органическая модель, конечно, может быть всеобъемлющей в отношении механистических явлений.

Похоже, существует потребность в чем-то другом, в более персоналистской модели. И я думаю, что именно это можно найти в некоторых направлениях персоналистского экзистенциализма. Такие люди, как Кьеркегор, Мартин Бубер и другие, пытаются подчеркнуть категорию личности как отличную от всего остального.

Всё, что он может сделать для человека, это сказать, что у нас с вами, как у личностей, есть преемственность в плане некоего напряжения, передаваемого памятью, которое поддерживает определённые качества в этом потоке опыта

на протяжении многих лет, — это вы, ваша личная идентичность, передаваемая этим потоком опыта. И это довольно поверхностная идентичность. На самом деле, были написаны статьи, в которых утверждалось, что этика Уайтхеда на самом деле не даёт оснований для привлечения кого-либо к ответственности, просто из-за последовательности событий без единого непрерывного действующего лица.

Кто сегодня может нести ответственность за прошлое, или, возможно, даже за вчерашний день? Так что в подобной этике возникают проблемы. Что ж, это мой итог тому, о чем мы говорили всю прошлую неделю. Вы хотите продолжить эту тему? Или после выходных она затихла? Джанель.

Говоря о том, что он считает реальностью, мне кажется, что в целом это процесс. И всё же он говорит, что не хочется неправильно истолковать, не хочется, чтобы ошибочное представление о конкретности было искажено. Этот процесс кажется очень абстрактным.

А потом я вернулся и взглянул на эту категорию, на высшее, как на нечто, что пронизывает всё. Но этот пульс и творчество для меня всё ещё абстрактны. И всё же он придаёт им конкретику.

Мне кажется, вы используете термин «абстрактный» в ином смысле, чем он. Возможно, вы имеете в виду, что это новая концепция, которую я до сих пор не до конца понимаю. Абстрактная в том смысле, что мне трудно определить её как нечто, что можно непосредственно воспринять.

В то время как, я думаю, он использовал бы термин «абстрактный» в значении ментальной конструкции, совершенно не связанной с опытом. А сам процесс, как он его описывает, по его мнению, действительно описывает опыт. Вы не совсем усвоили это описание.

Может быть, он бы так и сказал. Понимаешь? Нужно время, чтобы описательные слова выходили за рамки простого описания и действительно передавали суть переживания. Попробуй проверить, применимо ли его описание события к чему-то другому, помимо момента чувственного восприятия.

Возьмем, к примеру, такое событие, как, что бы вы хотели сказать, первый раз поступаешь в колледж. Вы помните это событие? Полагаю, помните. Странно, как мне показалось.

Вы пришли с этим странным сочетанием подростковой неуклюжести, самоуверенности и полной неуверенности и опасения. Что ж, это событие с

открытым концом, понимаете. Другими словами, вы пришли с историей, с неким текущим опытом, который вам дан.

Затем вас обрушивают объективные данные. Например, какие? Ну, например, информация об ориентации. Необходимость ориентироваться в незнакомом кампусе.

Учителя, которые, кажется, ожидают от вас самостоятельной работы. И всё остальное. И всё это вписывается в общую картину, и из этого может возникнуть множество возможностей.

Один из вариантов — выбрать из всего спектра возможностей какой-то идеал, какую-то цель, к которой вы будете стремиться. Вас не будут отвлекать на всякие посторонние вещи. Вы получите образование.

Субъективная цель. Решение. И вот, курс определен.

Это и есть событие. А затем вы можете описать последующие события, вытекающие из него. Здесь, будучи первокурсником, вы изучаете базовую философию.

Объективные данные этого курса. Что вы собираетесь с ними делать в себе? А для Уайтхеда важно не то, как вы их используете в практическом плане, а то, как вы их применяете, интегрируя в себя. Что это делает с вами? Как это влияет на вас? Возможностей множество.

И многое зависит от этого решения, осознанного или нет, которое выбирает из этих возможностей. Если вы описываете событие в таком простом стиле, используя объективные данные, оно имеет очень широкое применение. Я бы сказал, что если вы находите это описание абстрактным, вы скажете: «Подумайте об этом, и разве оно не подходит?» Вы скажете: «В хорошем описании оно подходит».

Да, когда мы выделили переход от механистической модели к органической, обратное разделение значений и обратное единство значений, мне интересно, что уникального в этом переходе от механистической модели к органической, чего нет в переходе от вещества к процессу и от внешнего... Да, я не уверен, что соглашусь с такой формулировкой. Мне кажется, это и есть основная идея. А затем, когда он определяет процесс с точки зрения событий, следующих за тройственным описанием, тройственными составляющими, тогда становится ясно, что это органическая модель.

Это внутренние взаимоотношения. Существует континуум субъект-объект. Таким образом, все это — составляющие его описания процесса.

Да, вы правы. Это не отдельные понятия. Здесь просто раскрывается одна концепция.

Иными словами, это удивительно цельная схема. Дэвид? Я просто развиваю идею, которая пришла мне в голову, когда я читал «Саксонский модернизм». Ты слышишь Дэвида в углу? Боб? Чуть громче, пожалуйста, Дэвид.

Вот о чём я читал. На 54-й странице своей книги он рассуждает о том, что если бы поэты придерживались механистического, а не реактивного мировоззрения, они бы писали стихи о человеческом разуме, а не о природе. Если бы они были последовательны.

период не говорили о величии человеческого разума ? Вы, например, имеете в виду эссе Александра Поупа о человеке, где он говорит, что правильное изучение человечества — это изучение самого человека. Да, говорили.

Но, несмотря на то, что они пишут о человеческом разуме и воспевают его, они по-прежнему придерживаются объективистской позиции. В этом смысле они непоследовательны. Они непоследовательны.

Придерживаясь объективистской позиции, они считают первичные качества объективными. Они полагают, что достаточно объективно оценивают вторичные качества, которые являются следствием первичных качеств на их собственном сенсорном аппарате. Непоследовательность возникает, если они приписывают эти вторичные качества чему-либо извне.

Как будто роза действительно красная. Как будто роза действительно пахнет. Понимаете?

Я понимаю, что некоторые могут сказать: «Ой, послушайте, это всего лишь словесные условности и упрощения. Когда вы говорите, что солнце восходит, вы же не имеете в виду, что солнце движется, верно? Когда вы говорите, что роза красная, вы же не имеете в виду, что роза красная, верно? Знаете, солнце восходит; с нашей точки зрения, солнце кажется восходящим. А роза выглядит красной с нашей точки зрения».

Таким образом, они могли защищаться. В таком случае, я полагаю, то, что говорит Уайтхед в этом отношении, — это не столько критика, сколько риторическое разоблачение проблемы развития эстетики объективных эстетических ценностей на механистической основе. И действительно, если вы посмотрите на эстетические теории того периода, то увидите, например, что Юм рассматривает эстетику скорее с точки зрения субъективных чувств, страстей, вкуса и тому подобного.

То, что нравится нашему вкусу. Понимаете? Дело не в том, что роза обладает какой-либо эстетической ценностью.

Эстетическая ценность заключается в удовлетворении потребностей пользователя. Как и в случае с моральной ценностью, удовлетворенность пользователей имеет утилитарное направление. Понимаете?

Понятно? Хорошо. Вы хотите, чтобы на этом этапе курса мы провели свободное обсуждение ближе к вечеру или после обеда? Это было бы полезно? Гегель? Постгегелевские идеи Уайтхеда, или подождем, пока закончим с Дьюи? Какой ваш выбор? Повторите? Давайте начнем после Дьюи. После Дьюи? Хорошо.

После Дьюи — точно. А это значит, где-то на следующей неделе. Попробую определить время.

Следующая неделя в любом случае будет для меня лучше, чем эта. Эта неделя, похоже, будет очень напряженной. Ладно.

Теперь давайте обратим наше внимание на американский прагматизм. И позвольте мне прежде всего отметить, что между прагматизмом и философией процесса есть сходства. На самом деле, много лет назад на философской конференции мы проводили конференцию по метафизике процесса, на которой обсуждались Уайтхед и Дьюи, потому что метафизика Дьюи также является метафизикой процесса иного рода.

И вы обнаружите, что большая часть терминологии, с которой мы знакомимся у Уайтхеда, встречается и у Дьюи. Нет, не его техническое описание событий и тому подобное, а термины «конкретное» и «абстрактное». У Дьюи тоже есть некое понятие события, которое лежит в основе его подхода.

Он называет это ситуацией, проблемной ситуацией. Акцент, безусловно, делается на процессе. Модель органическая.

Отношения носят внутренний, а не внешний характер. Происходит отказ от чистой объективности в познании в пользу некоего субъектно-объектного континуума. И снова предпринимается попытка найти единство факта и ценности, а не их разделение .

Итак, я разместил эти сведения о Уайтхеде на доске, чтобы инициировать дискуссию о нем, но они служат двойной цели. Они служат двойной цели. Я уберу это обсуждение качественных и количественных методов .

Я не совсем уверен, что мне это нужно. Но в остальном, я думаю, это может послужить на пользу как Дьюи, так и Уайтхеду. Теперь, с учетом этого, несколько общих характеристик американского прагматизма.

Прежде всего, несколько общих характеристик. И первая из них, как вы можете понять из термина «прагматический», утверждает приоритет практического над теоретическим. Приоритет практического над теоретическим.

Или, если хотите, превосходство конкретного опыта над абстракцией. Так что, Жанель, это тоже должно вам понравиться. Превосходство конкретного над абстракцией.

И для Дьюи, и для Джеймса, и для Уайтхеда, британские эмпиристы виновны в абстракции. Таким образом, обращение к конкретному — это обращение к конкретному в, скажем так, гегелевском смысле. Где диалектика Гегеля движется от абстрактного к конкретному.

Конкретное — это конкретный опыт. Опыт, как он проживается. А не опыт, как его теоретизируют такие люди, как Локк и Беркли.

С их теорией простых идей и тому подобным. Таким образом, приоритет отдается практическому, конкретному. Их интересует взаимосвязь между мышлением и действием.

Или, как это принято в некоторых традициях, например, в марксизме, речь идёт о взаимосвязи теории и практики. Их задача — рассматривать опыт целостно, не только как когнитивный, но и как аффективный опыт. И, кстати, это можно найти и у Уайтхеда.

Речь идёт не только о концептуальном восприятии, но и о физическом восприятии. О когнитивном и аффективном аспектах. Именно поэтому прагматики возражают против интеллектуализма.

Джеймс использует это выражение для обозначения стремления к логической теории ради самой теории. Или же это так называемый «зрительный эмпиризм», так Дьюи называл Локка. Зрительный эмпиризм.

Вы знаете, какие ругательства иногда отпускают в адрес зрелищных видов спорта. Например, футбола. Когда горстка людей, как говорится, слишком много тренируется.

И несколько десятков тысяч получают слишком мало. Зрительский спорт. Суть аргумента Дьюи в том, что Джон Локк сводит опыт к зрелищному виду спорта.

Вместо активного участия. Неправильное понимание опыта. Опыт – это активное, а не пассивное действие.

Или же стремление к определенности в традиции Декарта. В традиции Джона Локка, насколько это возможно. У Дьюи есть книга с таким названием, «В поисках определенности», в которой он критикует стремление к определенности.

В прагматических целях кому нужна уверенность? Стремление к уверенности — ошибочное стремление. Всё, что вам нужно, — это практическая уверенность. Практическая уверенность.

Достаточно, чтобы действовать. Однако, в основе всего этого обращения к практическому, к конкретному опыту лежит тезис о том, что опыт — это реальность. Опыт — это реальность.

И если вы всё ещё считаете, что опыт состоит из простых идей Локка, которые являются лишь представлениями о реальности, то вот два замечания. Во-первых, возможно, прагматик сказал бы, что человеческий опыт — это и есть наша реальность. Что, вероятно, и сказал бы социолог знания.

Человеческий опыт — это наша реальность. То есть, всё так, как это есть для меня. Ах да, и вы начинаете замечать феноменализм в прагматизме.

Феноменализм в прагматизме. У меня был профессор, который однажды, к удивлению многих в классе, сказал, что, по его мнению, прагматизм и позитивизм — это одно и то же. Между ними нет никакой разницы.

Оба варианта одинаково плохи. Так началось его знакомство с курсом по другой альтернативе. Видите ли, в те времена, когда прагматизм и позитивизм были в моде.

Но человеческий опыт — это наша реальность. Моё другое замечание заключается в том, что это гегелевская традиция. Потому что Гегель, видите ли, пытался взглянуть на мир сквозь призму самосознания.

О человеческом опыте. И о выявлении диалектики, разворачивающейся в человеческом опыте чего угодно. Проецировании этого на всю реальность.

В значительной степени это соответствует гегелевской традиции. Особенно это заметно у Дьюи. В ранние годы Дьюи принадлежал к американской неогегелевской традиции.

Его первыми публикациями были статьи в журнале под названием «Монист». Интересное название. «Монист».

В те времена это был «Журнал гегельянцев». Гегель, абсолютный монист. Что ж, «Монист» долгое время не издавался.

Когда журнал возобновил свою работу, он был просто изданием, интересующимся метафизическими темами. Но во времена Дьюи это был гегелевский журнал. Так что, по сути, мы имеем дело с другим гегелевцем, обращающим Гегеля к натуралистической основе.

Теперь Уайтхед обращал ученика Гегеля Брэдли к натуралистическому подходу. Дьюи же обращал старика к натуралистическому подходу. Или, возможно, он обращал к нему американского ученика Джозайю Ройса.

Но это снова гегелевская традиция. Хорошо, это первая характеристика. Примат практического над теоретическим.

Примат конкретного опыта. Вторая характеристика — акцент на органических отношениях. Органические отношения.

И опять же, это должно напомнить вам о взглядах Уайтхеда. Органическая взаимосвязь. Да, взаимозависимость.

Таким образом, в разной степени прагматисты критически относятся к атомистическому взгляду на опыт, представленному простыми идеями Джона Локка. Идеи, которые возникают без каких-либо внутренних связей с чем-либо еще. Эти связи носят исключительно внешний характер.

В том смысле, что законы ассоциации навязывают им отношения. Что ж, подобные вещи — табу. Джеймс говорит о потоке сознания.

Поток сознания, взаимосвязанное явление. Органические отношения внутри всего потока сознания. И Дьюи говорит о настоящем опыте как о взгляде в будущее, как об ориентире на будущий опыт.

И это видно в его понимании идеи. Потому что для Дьюи идея — это идея о том, что мы будем делать в будущем. Откуда берутся идеи? Из прошлого опыта.

То есть, в будущее. Все они взаимосвязаны, как вы думаете. Следовательно, эта органическая взаимосвязь имеет фундаментальное значение.

Именно поэтому они отвергают любые дуализмы разума и тела. Существует взаимосвязь физического и психического . Они отвергают любые дуализмы фактов и ценностей.

Разделение фактов и ценностей. Ценности формируются в контексте опыта и в связи с будущим опытом. Таким образом, проявляется взаимосвязь вещей.

И наконец, третья характеристика — философский натурализм. Философский натурализм. Термин «натурализм» используется в двух значениях .

Первый — методологический натурализм. Второй — метафизический. Методологический натурализм, разумеется, относится к методологии естественных наук.

Таким образом, методологический натуралист универсализирует использование научного метода. Научный метод применяется ко всем видам исследований. И вы обнаружите, что это одна из доминирующих тем в книге Дьюи «Реконструкция философии».

Реконструкция, которую он хочет осуществить, — это реконструкция посредством универсального применения научного метода. Если вам нравится экспериментальное мышление, у него есть книга под названием «Очерки по экспериментальной логике».

Универсализация. И я думаю, справедливо будет сказать, что это относится и к Уильяму Джеймсу. Мы увидим это на примере Джеймса.

Его знаменитый прагматический взгляд на истину на самом деле сводится к тому, что для подтверждения гипотезы необходимо экспериментальное подтверждение. Это способ проверить истинность убеждения. И, как мы увидим, Чарльз Сандерс Пирс говорит, что научный метод — это способ закрепить убеждение среди приливов и отливов нестабильных идей.

Научный метод. Таким образом, методологический натурализм — это довольно очевидно . Метафизический натурализм — во всех этих областях присутствует методологический натурализм.

Мне кажется, метафизический натурализм очень явно присутствует у Дьюи. Не у Джеймса. Джеймс — своего рода теист .

О, похоже, у Джеймса есть конечный бог. Бог ограничен в своей власти. Но он в некотором роде теист.

Но Дьюи — это, безусловно, метафизический натуралист. Всё, что существует, — это естественные процессы. Естественные процессы, которые поддаются эволюционному объяснению.

Таким образом, в своей работе «Реконструкция в философии» он стремится не только к универсализации применения научного метода, но и к универсализации эволюционного объяснения. И рассматривать историю философии как эволюционный процесс. Теория естественного отбора.

Это исключает любые фиксированные формы, неизменность видов и тому подобное. Таким образом, эти три характеристики — первенство практического, органическая взаимосвязь всего сущего и методологический натурализм — в случае Дьюи носят метафизический характер.

Достаточно понятно? Терминология достаточно знакома? Полагаю, она, по крайней мере, достаточно понятна, чтобы над ней поразмышлять. Хорошо, тогда позвольте мне кратко сказать кое-что о Чарльзе Сандерсе Пирсе. Если для вас прагматизм означает релятивизм, релятивистскую теорию истины, то Пирс не является прагматистом.

На самом деле, чтобы дистанцироваться от двух других, которых я упомянул, Пирс предпочитал называть себя прагматиком. Прагматиком. Суть в том, что Пирс действительно верил в объективность истины.

Объективность в определении добра и зла. Он был, по сути, практикующим ученым. Работал в Береговой службе США.

И он просто был убежден в научном методе как способе познания. Но именно работы Пирса, и он называл их Пирсом, а не работами Пирса, заложили основу для Джеймса и Дьюи. Поэтому история американского прагматизма всегда начинается с Пирса.

С нашей точки зрения, интересно то, что две его наиболее влиятельные статьи были опубликованы в журнале *Popular Science Monthly*, который в наши дни не совсем подходит для философских размышлений. Но в 1877 году он опубликовал статью под названием «Фиксация убеждений», а в 1878 году — еще одну, «Как сделать наши идеи ясными».

Итак, очевидно, что первый вопрос касается обеспечения истинности. Второй вопрос касается смысла. Как нам понять смысл чего-либо и как нам прояснить свои идеи? И, по сути, в обоих случаях ответ один и тот же.

Посмотрите на практические последствия. Посмотрите на практические последствия. Если вы хотите понять, что означает ваша концепция, ваша идея, ваша теория, спросите себя, что это означает на практике.

Что бы это означало, если бы это было применено на практике? И в книге «Фиксация убеждений» то же самое, по сути, применимо и к установлению истинности вопроса. Если вы хотите с уверенностью закрепить убеждение, существуют различные способы это сделать. Он отвергает три из этих способов и отстаивает четвертый.

Первый метод — это метод упорства, который, по сути, означает: я не собираюсь менять своего мнения, что бы вы ни говорили. Не предъявляйте мне факты, я уже принял решение. Метод упорства.

И его точка зрения, очевидно, заключается в том, что нет способа установить истину. Это может быть способом закрепить убеждение в вашем сознании, но не способом гарантировать истинность. Второй способ — это метод авторитета.

Проблема здесь в том, что существуют противоречащие друг другу авторитеты. Как же тогда судить о противоречивых авторитетах? И что они говорят? Третий способ — это метод традиции.

Чья традиция? Чья конвенция? И, конечно, это очень похоже на метод авторитета. Поэтому он отстаивает научный метод. Научный метод.

Речь идёт не о какой-либо априорной традиции, утверждающей что-либо до любого наблюдения, а скорее о методе подтверждения гипотезы, когда в качестве аргумента используется общедоступная информация от сообщества наблюдателей, научного сообщества.

Процесс, который самокорректируется. Мне следовало сказать, что метод традиции — это обращение к тому, что различные традиции считают интуитивно понятным. Его мысль заключается в том, что интуиция различается от традиции к традиции.

Итак, вот что он отстаивает. Почему бы не вернуться к старым принципам рационального доказательства? Почему бы не использовать фундаменталистский подход, заключающийся в поиске первопричин и последующем выводе из них? И это действительно затрагивает суть вопроса. Потому что Пирс, по сути, критикует картезианскую традицию.

А вот распечатка, которая позволит вам получить это раньше. О, у вас есть одна. Хорошо, у всех есть? Хорошо, дайте мне, пожалуйста, лишние экземпляры потом.

Обратите внимание, что это взято из его собрания сочинений, к которому все обращаются, пытаюсь понять Пирса. Большая часть его работ состояла из эссе. Большая часть его произведений была написана в форме эссе.

Обратите внимание, что в начале он говорит, что Декарт, отец современной философии, отличает её от схоластики следующим образом: она учит, что философия должна начинаться с всеобщего сомнения, тогда как схоластика никогда не ставила под сомнение фундаментальные принципы. Окончательная проверка достоверности находится в индивидуальном сознании.

Комната, отапливаемая печью, была одна. Интуитивная проверка истины всегда остаётся личной. Схоластика основывалась на свидетельстве мудрецов и католической церкви.

В-третьих, многообразная аргументация Средневековья включала множество доводов и аргументов в пользу той или иной позиции. Вспомните Фому Аквинского? Сколько аргументов он приводит в пользу чего-либо? Многообразная аргументация Средневековья заменяется единой нитью вывода, часто основанной на неочевидных посылах. Вспомните «Размышления» Декарта и то, как одно следует за другим вплоть до конца.

Четвертый пункт: схоластика имела свои тайны веры, но стремилась объяснить все сотворенное. Хотя существует множество фактов, которые картезианство не только не объясняет, но и делает абсолютно необъяснимыми, за исключением утверждения, что Бог сделал их таковыми. В некоторых или во всех этих отношениях большинство современных философов были картезианцами.

И я думаю, вы видите, что это в основном верно, по крайней мере, до Канта. И его ответ следует далее. По первому пункту мы не можем начинать с полного сомнения.

Почему бы и нет? Ну, мы всегда упускаем из виду что-то, в чем не задумывались, потому что не осознавали собственных предположений, не всегда осознавали собственные убеждения. Да, убеждения. Вы можете не осознавать свои собственные убеждения.

Иными словами, вы говорите: «О, да, наверное, я в это верю», когда кто-то указывает вам на это, потому что вы принимаете это как должное. Поэтому мы не можем начинать с полных сомнений. На практике это невозможно.

Во-вторых, тот же формализм встречается и в картезианском критерии, который сводится к следующему: всё, в чём я абсолютно убеждён, истинно. Ну, очевидно, что этот вопрос становится бессмысленным, потому что если бы все

были убеждены, то никаких дальнейших вопросов не возникло бы. А между убежденностью и истинностью чего-либо существует большая разница.

У меня был друг, который, когда ему кто-то говорил: «Ну, это же совершенно очевидно», отвечал: «Ну, для тебя это может быть очевидно, а для меня — нет». Понимаешь, и, по сути, даже если бы это было очевидно для меня и всех остальных, ну и что? Его мысль в том, что ясность и чёткость — это критерии осмысленности, а не истины.

Сказать, что это ясно и недвусмысленно, означает: «О, я понимаю, что вы имеете в виду», а не обязательно, что это правда. Хотя иногда истина опирается на смысл. Во-третьих, философия должна подражать успешным наукам в своих методах и доверять множеству и разнообразию этих аргументов, а не окончательности какого-либо одного.

Это всё равно что сказать, что Декарт слишком много внимания уделял математическому методу, который, конечно же, в континентальной науке его времени был основным методом континентальной науки, преимущественно оптики и механики. Но в более поздней экспериментальной науке математика не является методом. Она всего лишь один из них.

Экспериментальный метод гораздо важнее. И, наконец, четвертый пункт: любая неидеалистическая философия предполагает нечто совершенно необъяснимое, не поддающееся анализу. Короче говоря, нечто, являющееся результатом самого опосредования, но не поддающееся опосредованию.

Теперь, что что-либо необъяснимо, можно узнать только путем рассуждений с научной точки зрения. Единственное оправдание научного вывода заключается в том, что этот вывод объясняет факт. Объяснить, предположить необъяснимость факта — значит не объяснить его.

И поэтому такое предположение никогда не допускается. И он повторяет некоторые вещи, написанные в противовес картезианству, утверждая, что у нас нет способности к самоанализу. У нас нет способности к интуиции.

Мы не можем мыслить без знаков. Следовательно, у нас нет представления о том, что абсолютно непознаваемо. Иными словами, если вы не можете мыслить без знаков и у вас нет знаков для того, что немислимо, то вы не можете мыслить о немислимом.

Я подозреваю, что последнее предложение относится к британскому философу примерно того же периода, Герберту Спенсеру, который делил все, о чем хотел писать, на познаваемое и непознаваемое. И среди его современников стало

довольно забавно говорить о том, как много Спенсер, казалось, знал о непознаваемом.

Если об этом нельзя говорить, и так далее. Но я полагаю, что помимо этого, я говорю о многом, о чём-то, чего я не знаю, обо всём том непознаваемом, о чём мы не можем говорить. А позже Витгенштейн скажет нам, что о том, о чём мы не можем говорить, мы должны молчать.

Это всё равно что сказать некоторым людям заткнуться. Что ж, это же Пирс. Обратите внимание, что здесь прослеживаются признаки, как бы это сказать, очередной методологической революции.

Видите ли, Декарт представляет собой методологическую революцию в философии, отходящую от схоластического метода. Методологическая революция Бэкона – индуктивный метод. Кант – методологическая революция трансцендентального метода.

Попытка выявить субъективные предпосылки возможности чего-либо. И вот, еще одна методологическая революция в экспериментальных методах. Научный метод, универсализированный.

Ну, как я уже говорил, Пирс был реалистом. Он верил в существование универсальных законов природы. Существуют объекты, которые он называл... реальные

Не просто кадр, а реальность. Он не просто ловил рыбу, хотя и участвовал в прибрежной экспедиции. Объективные реалии, которые можно познать.

Итак, это методологический натурализм, методологический натурализм. Методология естественных наук универсализирована. Именно этот методологический натурализм подхватывают прагматики.

Джеймс и Дьюи — выдающиеся мыслители. Джеймс называет прагматизм методом разрешения философских споров. Что звучит несколько похоже на фиксацию на убеждениях.

Как закрепить убеждение, как разрешать споры. Метод разрешения философских споров. Путем предвидения последствий убеждения.

И проверка того, действительно ли эти последствия происходят. Тот же принцип, что и при экспериментальной проверке гипотез. Однако важно понимать, что у Джеймса речь идёт не просто о фиксации убеждений таким образом.

Необходимо обратить внимание на концепцию опыта. Именно она меняется. И здесь вы видите разницу, не столько с Декартом, который был антагонистом Пирса, сколько с Локком, с его анализом опыта, сводящим его к простым идеям.

Воспринимается пассивно. Объединены или разделены лишь в рамках психологических процессов ассоциации. Это атомизация опыта .

Теперь, вместо атомистического опыта, Джеймс стремится к более целостному, взаимосвязанному, если хотите, и органичному опыту. Опыту в этом смысле. Что, в свою очередь, является опытом в том смысле, что мы его действительно переживаем .

Помните, как мы пытались понять, что такое атомистическая система координат? Видите ли, атомистическая система координат — это не просто цветовой участок. Это участок. Цвет — это отдельная атомистическая система координат, которую вы накладываете на этот участок.

Видите ли, вся концепция атомистических чувственных данных, опыта в этом смысле, представляет собой высокий уровень абстракции. Понимаете ? Конкретный опыт не разделяет первичные и вторичные качества, не атомизирует их в простые идеи. Конкретный опыт — это континуум, поток, процесс.

Таким образом, он стремится к конкретному опыту. Но для Джеймса конкретный опыт всегда является психологическим. Вопрос не в том, о чём ты думаешь, а в том, как ты это чувствуешь .

Не о том, что вы думаете, а о том, что вы чувствуете . И обратите внимание, насколько это отличается в нашей обычной манере общения. Видите ли, в основном на занятиях я спрашиваю вас: «А что вы думаете? Что у вас на уме?» Как будто вы переживаете процесс обдумывания идей, теорий.

Но Джеймс говорит об опыте не в этом смысле, а в объективирующем смысле. Он говорит об опыте, а не о том, как вы к этому относитесь? Понимаете ? Как вы к этому относитесь? Чувствуете ли вы невнимательность? В вашем опыте вы чувствуете невнимательность ? Или вы чувствуете удовлетворение? Теперь вы поняли? Невнимательность , удовлетворение. Тезис, антитезис, синтез.

Удовлетворенность — один из терминов Уайтхеда. Чувствуете ли вы невнимательность? Чувствуете ли вы удовлетворение? Понимаете ? Психологический опыт. Дело в том, как вы, вероятно, читали, если читали материалы Штумпфа на этой неделе, что Джеймс получил начальное медицинское образование.

Акцент на физиологии. Он пришёл в психологию, некоторое время обучаясь в первых экспериментальных психологических лабораториях в Германии в конце XIX века. Физиологическая психология в экспериментальном порядке.

Понимаете, о чём идёт речь в контексте научного метода? Это было до того, как психология стала считаться отдельной наукой. Думаю, до 19, может быть, 1910 или 1911 года, «Журнал философии» назывался «Журнал философии, психологии, научного метода» и так далее. Название звучало довольно громоздко.

Журнал философии, психологии, научного метода и т. д. Поэтому, когда Джеймс вернулся в эту страну и устроился преподавателем психологии в Гарварде, он работал на кафедре философии. Он никогда в жизни не изучал философию.

И постепенно мы перешли от написания работ по физиологической психологии к написанию работ по интроспективной психологии, затем к написанию работ по философской психологии, а потом и к написанию работ по философии. О, в те времена это было гораздо проще, чем сейчас. Только после Второй мировой войны философия действительно начала становиться узкоспециализированной и узкоспециализированной.

Но особенно в те времена это было своего рода интеллектуальное исследование, доступное для чтения любому образованному человеку. Именно поэтому Пирс мог публиковаться в журнале *Popular Science Monthly* и оказывать влияние. Попробуйте сделать это сейчас.

Итак, например, Джеймс пишет книгу о различных формах религиозного опыта, о психологии религии. Конечно, философы по-прежнему интересуются религиозным опытом. И аргументами в пользу религиозного опыта.

Некоторые из вас, возможно, помнят лекцию Яндела с прошлого года. Их интересует религиозный плюрализм. Не только теологи, как на этой неделе.

Но философов интересует и религиозный плюрализм. Яндел читал лекцию на эту тему в прошлом году. Таким образом, его интересует конкретный опыт, основанный на его собственном психологическом состоянии, психологической подготовке, или находящийся под их влиянием.

Итак, вопрос, с точки зрения формирования убеждений, с точки зрения понимания смысла философской теории, заключается в том, что она означает с психологической точки зрения? Он дает определение материализму. Вот его определение материализма. Прагматическое определение.

Материализм подразумевает отрицание вечности морального порядка и отказ от заветных надежд. В противоположность материализму, то, что он называет спиритуализмом, приблизительно приравняемым в его лексиконе к теизму, означает утверждение вечного морального порядка и отказ от надежды. Таким образом, отправной точкой при определении материализма как противоположности теизму, антитетическим мировоззрениям, является психология надежды.

Психологический опыт надежды. Как проверить его истинность? И его ответ прост: если он даёт вам опыт надежды, своего рода удовлетворение, то мы говорим, что теория имеет денежную ценность. Она работает.

А истину он определяет просто как осуществимость. Истина — это осуществимость. Таким образом, исходя из психологической ценности убеждения, он приходит к переосмыслению истины.

И он может это делать благодаря прагматичному взгляду, согласно которому опыт — это наша реальность. Таким образом, реальность, которую мы переживаем, — это реальность надежды или её отсутствия. И именно об этом мы говорим, когда речь идёт об истине.

Что ж, время прошло, но я подведу итоги и приведу еще пару примеров того, как он это применяет, в следующий раз, а затем мы перейдем к Джону Дьюи.